

УДК 321:02

Д. В. Кацы

НАКАНУНЕ МАЙДАНА: ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВО УКРАИНЫ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Многоаспектность проблемы наличия или отсутствия связи между такими явлениями как развитие технических возможностей для обмена информацией в пределах территории конкретной страны и формированием её внешнеполитических приоритетов заслуживает внимания. В чём такая связь себя проявляет и как, – прямо или косвенно? Насколько она устойчива и при каких условиях контролируема? Способствует ли она укреплению позиций государства на международной арене и его развитию или, наоборот – вот лишь некоторые из вопросов, которые будут периодически требовать детальных и своевременных уточнений. Высокую актуальность такие вопросы обретали и в случае современной Украины, испытывавшей на себе информационное влияние геополитически разнонаправленных реалий – России и стран Евросоюза, весомую роль в определении внешнеполитических приоритетов которого играют США. В таком сложном «общем» контексте, существенным (если не определяющим) моментом для Украины является её «промежуточное» положение в складывающейся системе европейской безопасности, свидетельствуя о несовпадении интересов России и стран трансатлантического сообщества на постсоветском пространстве.

При всём богатстве существующих мнений по данному сюжету, за их совокупностью часто просматривается главное соображение. А именно, – между стратегическими, политическими, экономическими и нормативными интересами России, и США продолжает развиваться фундаментальное противоречие. И если в России считают «общее» соседство Украины с Россией и Европейским союзом совсем не общим, то в США – доминирующее мнение диаметрально противоположно. Украина, в свою очередь, подвергается мощному влиянию различно

ориентированных в своих стратегиях развития объединений, лавируя в поиске возможностей для развития собственного обустройства.

В целом это делает украинский пример сложным для понимания того, как именно и насколько быстро развитие информационных технологий меняет общественные представления, влияя на процессы принятия внутривластных и внешнеполитических решений в стране. Существующий спектр уместных соображений и мнений по данному поводу вряд ли целесообразно пытаться рассмотреть в данной статье, но обратит внимание на часть характерных моментов с целью *рационализации их переосмысления*, показав, что вхождение современной Украины в глобальную информационную среду происходило противоречиво благодаря влиянию её внешнеполитического окружения – представляется уместным.

Отчасти, проблема в том, что многомерность и масштабность такого динамичного явления, как распространение в мире способов интернет-коммуникации вряд ли возможно оценить полностью. Отчасти потому едва ли не в каждой стране, и на Украине в частности, оно воспринималось минимум двойственно. Сторонники введения ограничений традиционно апеллировали к тревожным симптомам, требующим урегулирования информационных потоков и установления необходимых форм контроля, предваряющихся организованными пропагандистскими кампаниями, подчёркивающими опасности использования интернета. Представители других, ратующих за бóльшую информационную открытость, частей общества акцентировали, что интернет-коммуникации создают возможности для получения социально значимой информации, являясь не только средством удовлетворения информационного и/или сенсорного голода, но и необходимым для интегрирования в профессиональную глобальную среду инструментом. В любом случае – масштабы ведущейся сегодня в мире информационной активности, безусловно, способны поражать воображение.

Так, например, по данным, опубликованным предоставляющим образовательные услуги сайтом *www.mbaonline.com* в апреле 2012 г., в мире за один день пользователи Интернета скачивали 1288 «новых», т. е., ранее не известных им приложений, загружали 864 тыс. видео-роликов на сервис

YouTube, тратили 22 млн. часов на просмотр популярных фильмов и телепередач, вносили 532 млн. изменений в данные о своём статусе, проводили 4,7 млрд. мин. в наиболее разветвленной социальной сети Facebook (172 млн. пользователей) и, вероятно, меньшее количество времени в сетях поменьше: – Twitter (40 млн. пользователей), LinkedIn (22 млн.), Google+ (20 млн.). За один день в Сеть выкладывалось 2 млн. постов в объёме, который журнал Times при своих современных возможностях опубликовал бы за 770 лет, отправлялось 394 млрд. сообщений по электронной почте, а объём потребляемого пользователями в день интернет-трафика мог бы заполнить 168 млн. DVD-дисков.

Вместе с тем, сколь бы очаровательной не представлялась картина глобально расширяющихся информационных потоков, – в прямой зависимости от них ни внутривнутриполитическая жизнь, ни внешнеполитическая активность государств пока не оказывались. Упомянутый сайт *www.mbaonline.com* сам невольно подтверждает этот факт, упоминая в числе прочих данных о том, что в мире за один день продавалось больше айфонов (378 тыс.), чем рождалось детей (371 тыс.), наводя на мысль о дисбалансе уже имеющегося в данной области предложения и потенциального спроса в условиях усиливающейся глобальной конкуренции. Которая, разумеется, не сможет не обостряться.

Обострения на глобальном уровне, конечно же, влияют на внутривнутриполитическую жизнь отдельной страны. Однако отсюда не следует, что влияние глобальных тенденций является нерегулируемым фактором, в том числе в области распространения и применения информационных технологий. И если, например, полагать, что «оранжевая революция» на Украине не случилось бы без Интернета [1, с. 9] то придётся признать, что вовсе не интернет создавал её предпосылки или сыграл в ней определяющую роль, ибо непосредственно связывать такие явления, как распространённость информационных технологий и кризис общественного доверия правительству попросту неверно. Ни в странах Европейского союза, ни в странах Северной Америки, где ежедневная востребованность информационных технологий шире, чем на Украине, а интернет-пользователей явно не меньше, политическая активность населения последних десятилетий пока не приводила к смене политического

руководства страны вследствие массовых протестов избирателей. Более того, – в странах с устоявшимися традициями демократического управления население как раз не склонно оценивать деятельность своих правительств положительно – чаще наоборот. Этот факт подтверждается и выводами современных исследований [2], и древним, но убедительным, постулатом о том, что популярности правительств демократия не всегда способствует. Если данный постулат политическим лидерам (в том числе и на Украине) оказывался несимпатичен [3], то это вполне естественно.

Сам же по себе интернет вовсе не является панацеей, предназначенной, например, к преодолению неграмотности, искоренению бедности, свержению диктаторских режимов, или ускоренному развитию демократических способов управления в авторитарных государствах. Обоснованных аргументов, опровергающих подобное и схожие заблуждения в литературе последних лет, имеется достаточно [4]. Иное дело, что востребованность таких (как и любых других) выводов в конкретном обществе далеко не всегда удовлетворяется самим фактом их наличия, ведь широким массам населения малоинтересно то, что привлекает внимание конкретных собственников, отдельных политических игроков или освещающих их деятельность журналистов – у них разные интересы. Соответственно, и виртуальная сетевая активность не обязательно сопровождается переходом в реальную общественно-политическую жизнь [5], хотя распространённость современных средств коммуникации и не позволяет структурам государственной власти устанавливать, условно говоря, монополию на информацию. При всей значимости данного момента, его не стоит и преувеличивать.

Так, например, можно попытаться себе представить, что к моменту разрядки накопившихся в украинском обществе протестных настроений в 2004–2005 гг. в стране не оказалось бы интернета, а у протестующих – средств мобильной связи. Вряд ли в таком случае затяжной экономический и политический кризис на Украине разрешился бы скоро и безболезненно. Строго говоря, наличие новых технологий коммуникации не свидетельствует о том, что именно они имеют значение для разрешения множества общественно-политических проблем. Несомненно лишь то, что представители оппозиционно настроенной общественности использовали

интернет и мобильные телефоны для координации отдельных действий. Например, вели мониторинг выборов и организовывали масштабные акции протеста, действуя эффективнее групп граждан, оценивавших конкретный политический результат лояльно или нейтрально. В этом смысле, распространение интернета на Украине способствовало появлению дополнительных средств ведения внутривнутриполитической борьбы, имеющих стратегическое значение – как для организации политической оппозиции, так и для нивелирования возможностей её влияния. Однако собственно наличие интернет-пространства и формирование в нём особой информационной среды не означает того, что консолидированные представления о выработке жизнеспособных моделей будущего развития возникнут в обществе автоматически и «сами по себе». Скорее напротив – падение авторитетов и обострение внутривнутриполитической борьбы на Украине имеет выраженный циклический характер. Так, например, Президент В. Ющенко потерпел поражение уже на следующих выборах, получив лишь около 6% голосов избирателей в обоих турах голосования.

Есть и другой взгляд на вещи. Суть его в том, что, по мере нарастания доступности соответствующей информации, руководству конкретной страны понадобится всё активнее и убедительнее разъяснять населению смысл предпринимаемых им действий, в том числе – внешнеполитических. Распространённость коммуникационных онлайн-технологий при этом рассматривается как вероятный «катализатор» процессов самоорганизации граждан, обретающих возможность обмена насущной информацией, следуя своим интересам не обязательно в конфликте с государственными и/или партийно-идеологическими структурами, но в меньшей зависимости от их опеки. Так ли это «на самом деле» для украинцев сегодня или нет – во многом дело их (во многом экспериментально) формирующихся предпочтений.

В этом смысле – на Украине дело обстоит несколько иначе, чем в странах Евросоюза, где несомненно больше активных последователей идеи о том, что развитие способов коммуникации с помощью интернета способствует ускоренным переменам внутривнутриполитической жизни и представлений о целесообразности внешнеполитической деятельности. Сторонниками воплощения этой идеи в жизнь в западных странах

детально разрабатывается развернутая система аргументации [6], во многом оправдывающая себя практикой и потому укореняющаяся в обществе. Однако, трудно не заметить, что реалии общественно-политической жизни на Украине и в странах Евросоюза существенно различаются и значение интернет-пространства для разрешения отдельных насущных проблем и улучшения качества своей повседневной жизни украинцы явно не всегда воспринимали как нечто несомненное.

В этом смысле, – «влияние интернета» (как бы оно не определялось) на Украине не очень сравнимо с «европейскими стандартами». По данным 2010 г. интернетом пользовались менее десятой части её граждан, что признавалось «беспрецедентно низким» по сравнению со странами Скандинавии, где к тому времени интернет пользователи составляли более трех четвертей взрослой аудитории, или бывшими социалистическими странами – от трети до пятой части населения [7, с. 48]. По тем же данным, показатели вовлечённости в пользование интернетом украинской молодежи являлись самыми низкими в Европе, причем большинство молодых людей не чувствовали в этом особой необходимости [7, с. 49].

Разумеется, упомянутая ситуация не оставалась статичной. Буквально за пару лет она изменилась в количественном отношении [8], но насколько качественными стали изменения в самосознании граждан и какие параметры могли бы их характеризовать с большей степенью объективности – вопрос дискуссионный. Так, например, текущие обсуждения значимости интернета для развития украинского общества нередко начинаются с уточнений того, насколько многочисленна интернет-аудитория среди жителей страны. Уже на этом моменте, как правило, и выясняется, что опубликованные данные о количестве интернет пользователей в стране заметно противоречат и друг другу, и официальной статистике, рассчитываясь по разнящимся методикам и в различных целях. Связного представления о том, насколько органично интернет входит в жизнь украинского общества, при этом не возникает – оно остается избирательным по определению. Несомненной является лишь тенденция к росту вовлеченности населения страны в процессы интернет-коммуникации, освещаемая конкретикой отдельных прикладных

исследований. Единства взглядов при сегодняшних, часто весьма невнятно сформированных потребностях «использовать интернет», «изучать интернет», «зарабатывать в интернете» или «управлять интернетом» при этом, разумеется, не требуется, – ни в самой стране, ни на международном уровне. И если основная масса прогнозов, связанных с перспективами развития «украинского» интернета, как правило, оказывалась оптимистична [9], то не вопреки пониманию того, что уровень развития информационно-коммуникационных технологий в стране пока невысок, а рыночная привлекательность соответствующего сектора для многих потенциальных инвесторов неочевидна. Так в списке «The Networked Readiness Index», характеризующем 129 стран, Украина в 2010–2011 гг. занимала лишь 90-е место, уступая 77-е место России, а 88-е и 89-е – Пакистану и Перу [10].

Вместе с тем, важно, что Украина представляет собой потенциально крупный рынок сбыта не только собственно технологий и средств коммуникации, но и конкретного информационного содержания – *контента*. Воспринимать это содержание на самых распространённых сегодня в Сети языках – английском, китайском, испанском (и далее по списку), украинцам в массе своей сложнее, чем на русском, что, разумеется, учитывалось в целом ряде совместных проектов. Новости о политической деятельности и событиях в мире для массового потребителя при этом, не становились продуктом первоочередной необходимости, но считать расширяющийся «виртуальный мир» явлением сугубо самодостаточным и отдаляющимся от реалий «простой и обычной, народной жизни» было бы тоже неверно. Главным образом потому, что создаваемая искусственно «виртуальная реальность» влияет на знакомую нам повседневность не прямо, а косвенно. В этом смысле, всемирная WWW сеть для отдельно взятого человека и/или общества – это, в гораздо большей степени *источник* (нужных ему или нет) *представлений* о моделях и способах реорганизации или *переустройства* собственной жизни, нежели инструмент для воплощения в жизнь того или иного идейного содержания, или противодействия его реализации.

В пользу такого утверждения предлагается следующий аргумент. Сегодняшний украинский рынок (и не только он) способен, при всей своей

потенциальной привлекательности, быстро перенасыщаться в отдельных областях, например, в секторе интернет-торговли [11]. С одной стороны, высокой платежеспособностью населения современная Украина не отличается, а владельцам и производителям всевозможных товаров и услуг нужен готовый платить потребитель, а не абстрактный гражданин, политические предпочтения которого систематически «нуждаются» в определенной и планомерной корректировке с помощью предлагаемого ему информационного контента. С другой стороны, спрос людей на интересующий их информационный контент (который бывает и товаром) вряд возможно полностью удовлетворить в принципе. И если такой контент соответствует ожиданиям и/или важен для формирования определённого мировоззрения у большого количества людей, приобретая политическую значимость, – вряд ли это останется без внимания заинтересованных в осуществлении своих внешнеполитических стратегий, государств и/или их объединений. Увы, но любой источник идей – это всегда неконтролируемо, следовательно – небезопасно. Схожего рода соображения едва ли игнорируются едва ли не на каждом организационном уровне любого общества, особенно на государственном. Не выглядит исключением и украинский случай, хотя подход органов государственной власти страны к такому явлению как интернет ранее и не отличался особой определённой.

Отчасти именно поэтому «украинский» сегмент интернета (Уанет) охотно признавался достаточно свободным, как на уровне международных организаций, так и представителями предпринимательского сообщества [12. с. 21], отличаясь от, например, «российского» (Рунет) меньшим количеством действующих законодательных и технических ограничений [13]. Однако уже к началу 2013 г. в среде опытных украинских предпринимателей проявились и пессимистические ожидания, связанные с ростом введения ограничений свобод в Сети, несовершенствами действующего законодательства и недостаточной развитостью соответствующей инфраструктуры [14]. Последнее, конечно, не отменяло того факта, что для наиболее экономически востребованной и активной части населения страны интернет уже являлся атрибутом повседневной жизни, наряду с телевидением и мобильной связью [15]. Однако Украину в

целом вряд ли уже пора считать государством с постиндустриальной экономикой, где переход к информационному обществу более очевиден, а возможности населения влиять на процесс принятия политических решений, (в том числе с учётом генерируемых средой граждан инициатив «снизу») гораздо заметнее.

Есть и другие отличия. В западных странах, что отмечено и украинскими учёными, информационные технологии и способы их использования вынуждены в большей степени ориентироваться на «человеческий фактор» [16, с. 166]. В таком случае, интернет, «электронная коммерция», информационное взаимодействие граждан друг с другом и/или с органами власти рассматриваются как *взаимосвязанные* (а не изолированные) сферы деятельности, формируя интегрированную среду, необходимую для перехода к информационному обществу. Однако украинские программы информатизации последнего десятилетия ориентировались на укрепление государственных институтов – органов власти, механизмов взаимодействия государства с субъектами хозяйственной деятельности и развитие лояльных властям средств массовой информации [16, с. 166]. При таком подходе интересы большей части украинского общества часто оставались неучтёнными или игнорировались. Интегрированности во многом разрозненного украинского общества это, разумеется, не способствовало.

Вот лишь несколько из не самых экзотических для Украины тенденционных примеров. В 2012 году в Закарпатье участились практиковавшиеся и ранее поджоги автомобилей предпринимателей, чиновников, журналистов и правоохранителей, безнаказанно осуществлявшиеся неустановленными лицами [17]. К началу 2013 г. экономистами неоднократно высказывались соображения о возможности социального взрыва в восточном регионе страны [18]. Социологами отмечалось, что (имевшие место не единожды) протестные настроения против судей и правоохранителей будут нарастать [19], а на самих социологов – ранее подавали в суд политики – за несоответствующие их ожиданиям результаты заказанных исследований [20], создавая оригинальный прецедент. За тот же 2012 г., не дожидаясь изменения соответствующего законодательства, но ссылаясь на опыт Польши как наиболее приемлемый, ускорилось реформирование Министерства внутренних дел. Как разъяснялось, количество его департаментов

сократилось вдвое, уменьшилась численность генералов и полковников [21]. Реорганизация коснулась и высших учебных заведений, готовящих кадры для Министерства внутренних дел. После масштабных перестановок в правительстве, вновь высказывались намерения создать эффективную структуру «европейского образца» к 2015 г., [21] – либо посредством внесения изменений в действующее законодательство, либо приняв новый закон «О полиции». В сумме, это позволяет полагать, к президентским выборам 2015 г. на Украине готовились заранее и, по ходу нарастания предвыборной активности, информационный поток (или потоп?) тоже потребовалось упорядочить – по «европейскому образцу», или нет.

Именно поэтому вопросы о том, *как* украинское общество продолжит входить в глобальное информационное пространство и *какие* его сегменты окажутся наиболее влиятельными сохраняют важное значение. Темпами и направлениями развития инфраструктуры, информационных и коммуникационных технологий страны продолжают интересоваться и за рубежом. Так, например, ещё в 2010 г. отмечалось, что украинская инфраструктура ориентирована «в большей степени на европейских интернет-провайдеров, ослабляя любые возможности фильтрации информационного содержания с российской стороны» [22, с. 259]. Мало кто сомневался и в том, что российские интернет-ресурсы тоже формировали значительную долю украинского интернет-трафика [23], тем более, что количественные характеристики этого факта выглядели довольно убедительно. Уже к 2013 г. 86% украинских пользователей общались в социальных сетях. Самым популярным сервисом мгновенных сообщений в стране являлся «Skype», имея в стране более 8 млн. активных пользователей [24]. Существенным было и количество пользователей других социальных сервисов, где основным языком общения – русский. Это 9 млн. пользователей сервиса «В контакте», 4,8 млн. – «Одноклассники», 3,1 млн. – «МойМир@mail.ru». С учетом наличия других сервисов, – «Facebook» (2,1 млн.), «Фотострана» (1,1 млн.), «LinkedIn» (265 тыс.), «LiveJournal» (390 тыс.), «Twitter» (300 тыс.), «Foursquare» (60 тыс.) [24] и других – можно полагать, что для аудитории старше 14 лет интернет на Украине фактически являлся средством массовой коммуникации.

На Украине и в странах Евросоюза этот факт воспринимался различно. И вера «сетевых активистов» в возможности влиять на исход поли-

тических событий с помощью интернет-коммуникаций себя, конечно же, проявляла – нередко принимая желаемое за действительное, но, видимо, полагая, что прав тот, чья история победила, а не тот, чья армия выиграла [25]. Истиной, в отрыве от конкретного исторического контекста и времени, данная пропагандистская установка, конечно же, не является. Иное дело, что сложности взаимодействий международного характера, как правило, недоступны пониманию неинформированных людей в то время как всевозможная, искусственно создаваемая для них «виртуальная реальность» несомненно способна производить на них впечатление, в особенности на неокрепшее мировоззрение. Из чего, конечно же, ещё не следует, что неизгладимые впечатления формируются исключительно виртуально – уж это вряд ли.

Так, например, прекращение работы весьма популярного на Украине сайта *ex.ua* невозможно помешать считать делом рук украинских правоохранительных органов. Они это действительно сделали и негодующие пользователи «атаковали» сайт МВД (и не только) так, что он рухнул, а сотрудникам ведомства пришлось перейти на Фейсбук [26], пытаясь разъяснить рассерженному населению причину своих малоизящных действий. Формальным основанием для них послужили заявления о нарушении прав собственности, поданные рядом компаний – Adobe Systems inc., Graphisoft R&D и другими [27]. Но характерно, что от ответственности за формы и масштаб произошедших общественных беспорядков правообладатели поспешили отказаться устами своих местных представителей [28], и в чью именно пользу произошло очередное перераспределение части соответствующего рынка – осталось сюжетом за кадром. Ясно лишь то, что гиганты IT-индустрии в итоге не пострадали, а вот правоохранители оказались к подобного рода развитию событий не готовы, что тоже вполне могло быть учтено на будущее. Каким именно образом – во многом зависело от того, что именно считать успехом т.н. «электронной дипломатии» – пока маловнятного термина. В данном случае, за ним может обнаружиться не больше, чем отсутствие у властей опыта действовать в нештатной для них ситуации, попыток заинтересованных сторон использовать возникшие общественные волнения в конкретных политических и/или коммерческих целях, создать новые возможности для передела рынка, обновить спрос на

«старое» информационное содержание, расчистить рынок для нового контента, используя правоохранителей для устранения нежелательной конкуренции и т.д. В этом смысле, упомянутому термину можно и не торопиться приписывать особо животрепещущую значимость. Крупные производители интернет-контента на глобальном рынке обычно выигрывали и без помощи украинского МВД, молодые люди становились политическими активистами не от наличия радужных перспектив у данной формы трудоустройства, негибкое законодательство порой излишне ограничивало возможности для развития страны или не исполнялось и т. д.

В любом случае ясно, что совершенствовать законодательство в области использования интернет-коммуникаций украинцы принялись всерьёз ещё до известных событий Майдана образца 2014 г., и как именно данный факт скажется на ситуации в будущем – предмет отдельного исследования. Стоит лишь отметить, что изучения количественных параметров (количество интернет-пользователей, доменных имён, приобретённых компьютеров или мобильных устройств, просмотренных страниц и т.д.) недостаточно, когда дело касается *осознанной политической активности* населения, а не, к примеру, анализа роста объёмов продаж мобильных устройств и услуг связи, программного обеспечения, других продуктов или их рекламы. Существенно и то, что, как показывает опыт, у руководства Украины тоже не всегда хватало волевых усилий для достижения желаемого политического результата. Уровень общественной поддержки украинского правительства обычно не запредельно высок, а средства массовой информации страны - в основном частные. Интересы их владельцев правительству нередко оставались неподконтрольны, а явная неоднородность интернет-пространства в стране компенсировалась активностью её избирателей в социальных сетях, порой опережавших телевидение по популярности [29]. Вместе с тем, важно понимать, что политическая активность граждан (как и любая деятельность) обуславливается множеством факторов во времени, тогда как собственно наличие *средств информирования* и *возможной координации действий* отдельных групп, имеющих определённые интересы и ожидания, играет лишь дополнительную, а не основную роль.

Разумеется, эта роль может оказываться важной или даже критически важной для достижения конкретного политического результата, но не

обязательно. Ни фундаментальные перемены в международной обстановке, ни бурное развитие информационных технологий пока не смогли убедить властные структуры государств отказываться от защиты своих интересов, – скорее ровно наоборот. Сохранялась лишь общая тенденция роста технических возможностей для сбора, анализа информации и контроля над её распространением, а «свобода интернета», оставалась тем, чем она и является, – понятием относительным. Поэтому неудивительно, что по мере роста глобальной информационной активности в мире, государства всё активнее пытались её ограничивать и контролировать.

Украина не являлась исключением. Разноплановые исследования влияния информационных стратегий на Украину извне (не только со стороны России) проводились и в первой половине 2000-х годов [30], а вероятно и ранее. Соответствующие публикации стали появляться чаще и по мере распространения способов интернет коммуникации. Как правило, в них не предлагалось создавать систему информационной безопасности более жёсткой, чем в развитых демократических странах, а принимать во внимание условия рынка и конкурентной среды жизнедеятельности личности, общества и государства [31].

Подобный подход впоследствии закрепила Доктрина информационной безопасности Украины 2009 г. Уже в общих положениях этого документа фиксировалось чёткое понимание, что в условиях *«... глобальной интеграции и жесткой международной конкуренции главной ареной столкновений и борьбы разновекторных национальных интересов стран становится информационное пространство»* [32]. Отмечалось, что современные информационные технологии позволяют государствам реализовывать собственные интересы без использования военной силы, ослабляя или причиняя значительный вред безопасности стран-конкурентов, которые не имеют действенной системы защиты от негативного информационного влияния. Подчеркивалось, что информационная составляющая становится одним из важнейших элементов обеспечения национальной безопасности, влияя на уровень и темпы социально-экономического, научно-технического и культурного развития и т.д.

В данном ключе взгляды украинского руководства следовали в русле общемировой тенденции. Если в 2002 г. интернет подвергали «цензуре»

в четырех странах, то концу 2012 г. таких стран насчитывалось уже более сорока, а какие-либо, касающиеся интернета, ограничения были введены практически везде [33]. Судя по итогам прошедшей в Дубае конференции Международного союза электросвязи при Организации объединённых наций в декабре 2012 г. [34], к тому времени уже не осталось сомнений, что вопрос о фильтрации сетевого контента фактически разделил представителей стран-участников на (минимум) две несогласные стороны. Данный момент, разумеется, не все сочли переломным, но симптоматичным он, безусловно, являлся, заслуживая более подробного описания.

Упомянутая конференция в Дубае собрала 159 стран-участников. Главным её итогом стало согласие 89 делегаций принять поправки в Регламент международной электросвязи [35], не обновлявшийся с 1988 г. Ещё 15 делегаций не имели необходимых для подписания полномочий, а представители остальных 55 стран – документы подписывать не стали, предпочтя остаться в меньшинстве [36]. Примечательно, что «меньшинство», в данном случае, сформировали такие страны как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, значительная (чего не все ожидали) часть других стран Европейского союза, и не только. Это и Сербия и Норвегия, Индия, Япония и другие, а из постсоветских стран – Армения, Белоруссия, Литва, Молдавия, Эстония. В «большинстве» же, более предсказуемым образом, оказались страны пока явно не лидирующие в области производства и распространения телекоммуникационных технологий – это Китай, Арабские Эмираты, Бразилия, Венесуэла, Ирак, Иран и другие. Из постсоветских стран к этой группе примкнули Азербайджан, Россия, Казахстан, Киргизия Узбекистан и Украина.

Обозначившаяся в Дубае поляризация мнений, с одной стороны, способствовала очередному оживлению публичных дискуссий о вероятных последствиях раздела современного интернет-пространства между формирующимися объединениями «демократических» и «недемократических стран» [37]. С другой стороны – «выбор» Украины в данном случае не выглядел своевременно осознанным. В отличие, например, от России, где и ранее воплощалась и активно лоббировалась на международном уровне идея суверенного права «управлять интернетом» [38], – на Украине данный аспект анонсировался менее открыто. Так, например, на сайте Гос-

ударственной службы специальной связи и защиты информации Украины – организации ответственной, в том числе и за подготовку страны к Всемирной конференции по международной электросвязи 2012 г. [39], никакой информации об итогах данного мероприятия не оказалось. Последнее, разумеется, не помешало интересующимся выяснять необходимое самостоятельно, попутно отмечая контраст в информационном освещении весьма актуальной международной тематики в самой стране и за её пределами [40].

Невыразительная в данном случае позиция властей в целом не удивила украинское интернет-сообщество предпринимателей в области информационных технологий и рекламы, журналистов и блоггеров, – ведь о итогах событий в Дубае многие из них могли узнать из многочисленных зарубежных источников, не исключая и российских средств массовой информации, в том числе – в переводе на украинский язык [41]. Однако заметное несовпадение интересов украинской исполнительной власти и производящей интернет-контент части украинского общества достаточно чётко себя проявило при определении перспектив развития современных коммуникационных технологий. Как эти интересы совместятся в будущем – открытый вопрос и сегодня.

Было бы неверно полагать, что украинское государство не уделяло внимания необходимости учитывать значимость и регулировать темпы развития современных способов обмена информацией на подвластной ему территории. Усилия для определения необходимой меры интегрирования страны в глобальную информационную среду предпринимались, однако сама их направленность и эффективность применения оставались предметом спорным. Далеко не последнюю роль в этом процессе играла проблема выбора внешнеполитических ориентиров, их приоритетность.

В качестве иллюстрации, характеризующей суть данного сюжета, можно привести историю попыток обсуждения депутатами Верховной рады проекта закона Украины «Об основах государственной информационной политики» [42]. Проект, в данном случае, интересен не столько своей уникальностью – недостатка в различных проектах и программах Украина не испытывала. Скорее напротив, – это типичное свидетельство того, что

отдельные соображения о целесообразности конкретных векторов развития часто не воплощались в жизнь, блокируя друг друга.

Если подробнее – в проекте недвусмысленно признавалась необходимость стабильности развития и структуризации украинского информационного рынка как системы экономических, организационных и правовых взаимоотношений, касающихся производства, купли-продажи информационных ресурсов, технологий, продукции и услуг. Упоминалось в нём и о росте числа интернет-пользователей, и о недооценке информационно-коммуникационного аспекта в процессе демократизации общества и государственного строительства. Примечательно, что термин *«информационный суверенитет»* упоминался в тексте законопроекта четырежды, а термин *«европейская интеграция»* [страны] – только однажды, указывая на первоочередную значимость первого, а не второго.

О том же свидетельствует и порядок, в котором перечислялись направления для постановки задач. Начинаясь с признания необходимости соответствовать «требованиям времени» и адаптировать законодательство к нормам и стандартам Европейского союза, проект упоминал о высокой зависимости Украины от зарубежных информационных ресурсов, провозглашая ожидаемыми результатами своего применения буквально следующее:

« ... - обеспечить приоритетное развитие национальных информационных ресурсов;

- способствовать строительству в стране развитого информационного общества как органичного сегмента глобального информационного сообщества и инфраструктуры, внедрению новых информационных и коммуникационных технологий, защите национальных культурных ценностей;

- укрепить информационный суверенитет Украины» [43].

Характерно, что даже первоначальное название законопроекта – «О концепции государственной информационной политики» потребовалось изменить, поскольку выяснилось, что, согласно Конституции страны, Верховная Рада не имела полномочий утверждать документы в форме концепции [43]. Во втором чтении документа депутаты согласились на его переименование – «Об основных направлениях государственной информацион-

ной политики» – осмысленно или нет, но создав очередную, как отмечалось позже, «искусственно выведенную» разновидность документа [44, с. 62].

Его дальнейшее обсуждение показало, что предлагаемые к формулировкам проекта поправки в своем подавляющем большинстве расходились именно в трактовках, так или иначе связанных с оценками «должной» ориентации информационной сферы и недопущения её монополизации. Особенно чувствительным моментом оказывались поправки, дававшие возможности сузить или расширить возможности использования русского и других региональных языков, или касающиеся способов защиты государственного языка и национальной культуры. Характерно, в данном моменте украинское законотворчество не однажды оказывалось внутренне противоречивым, придавая внутривнутриполитическим спорам неопределённую перспективу, сущностно не изменившуюся и после, например, вступления в силу 10 августа 2012 года закона «Об основах государственной языковой политики» № 5029-V.

Можно заключить, что при всей важности для украинских законодателей ценностных, в том числе внешнеполитических ориентиров в информационном поле, идея развития «информационного суверенитета» Украины в 2010–2013 гг. недостаточно наполнялась реальным содержанием. Непопулярность партии власти в социальных сетях не оставалась незамеченной [45], и общая ситуация, оценивавшаяся населением страны на фоне прогрессирующих негативных тенденций в социально-экономической сфере, не осталась впоследствии без известных изменений. Такие факторы как стремительное расширение «украинского» интернет-пространства, растущая популярность социальных медиа (особенно в городах-миллионниках), доступность информационных платформ и технологий всё большему числу избирателей этому только способствовали. Прямой зависимости между фактом распространения технических возможностей для обмена информацией в стране и выбором её внешнеполитических приоритетов при этом не просматривалось, но уже традиционные для украинцев дебаты о внешнеполитических приоритетах не утратили своей значимости и сегодня. Наличие последних объективно продолжает обострять внутривнутриполитическую борьбу в стране за возможности формировать мнения избирателей в онлайн-пространстве, что во многом и объясняет

почему вопросы установления «контроля над интернетом», как средством и компонентом политической активности, обрели на Украине гораздо большее значение, чем в предыдущее десятилетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Goldstein J.** The Role of Digital Networked Technologies in the Ukrainian Orange Revolution. December 2007.
2. **Duffy B., Hall S.** Who do you believe? Trust in government information // MORI's Social Research Institute . 2005. [Электронный ресурс]. – URL: www.ipsos-mori.com/DownloadPublication/239_sri_who_do_you_believe_112005.pdf (дата обращения 18.02.2016).
3. Янукович объявил тех, кто не видит демократии на Украине, "наймитами, нанятыми за наворованные деньги". 7 февраля 2011. [Электронный ресурс]. – URL: www.newsru.com/arch/world/07feb2011/demos.html (дата обрац. 18.02.2016).
4. **Morozov E.** Think Again: The Internet // Foreign Policy. May-June 2010. P. 40-44
5. **Герасимчук А.** Влияет ли Интернет на политическую погоду в Украине? 5 марта 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://uargument.com.ua/obshhestvo/vliyaet-li-internet-na-politicheskuyu-pogodu-v-ukraine> (дата обращения 18.02.2016).
6. **Бонен Й., Кальморген Я.** Как Веб 2.0 изменяет политику // Internationale Politik, июль — август. 2009, № 7.
7. Доповідь про стан та перспективи розвитку інформатизації та інформаційного суспільства в Україні за 2010 рік. Київ 20102. С. 48.
8. Пока взрослые смотрят телевизор, 90% школьников уже получают информацию в интернете // Зеркало недели. 14 ноября 2012.
9. Интернет-конференция «Перспективы развития IT-отрасли в Украине в ближайшие годы». 9 апреля 2012. [Электронный ресурс]. – URL : <http://kontrakty.ua/article/46298> (дата обращения 18.02.2016).
10. The Global Information Technology Report 2010–2011. Transformations 2.0. INSEAD. [Электронный ресурс]. – URL: <http://reports.weforum.org/wp-content/pdf/gitr-2011/wef-gitr-2010-2011.pdf> (дата обращения 18.02.2016).
11. **Яровая М.** Ольшанский А. Рынок e-commerce в Украине насыщен — что делать? 19 ноября 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ain.ua/2012/11/19/102043> (дата доступа 18.02.2016).
12. **Kelly S.** /ed. Freedom of the Net 2012. A Global Assessment of Internet and Digital Media. Freedom House. September 24, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/inline_images/FOTN%202012%20FINAL.pdf (дата доступа 18.02.2016).
13. «Сравнивать Уанет с Рунетом пока рано»: мнение эксперта // Економічна правда. 12 мая 2010.

14. **Охотникова И.** Интервью: Александр Ольшанский // Українські Новини, 21.01.2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ukranews.com/ru/interview/2013/01/21/476> (дата доступа 18.02.2016).
15. Интернетом пользуется половина взрослых украинцев. Октябрь 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inau.org.ua/173.4520.1.0.1.0.phtml> (дата доступа 18.02.2016).
16. **Полумієнко С.К.** Інформаційне суспільство в Україні – передумови та можливості створення // Таврический вестник информатики и математики. 2008. № 2(13). С.166-169.
17. "Вендета по-закарпатськи": В області палять машини чиновників і правоохоронців // Дзеркало Тижня, 3 лютого 2013.
18. **Макогон:** В 2013 году на востоке Украине может произойти социальный взрыв. 11 января 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regnum.ru/news/1612082.html> (дата доступа 18.02.2016).
19. **Бекешкина:** Украинцы верят в "суд Линча" как единственно действенный метод. 16 января 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://intv.ua/important/print:page,1,53185-bekeshkina-ukraincy-veryat-v-sud-lincha-kak-edinstvenno-deystvennyu-metod.html> (дата доступа 18.02.2016).
20. **Бекешкина:** Королевская подала в суд на всю украинскую социологию. 11 октября 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://poslezavtra.com.ua/bekeshkina-korolevskaya-podala-v-sud-na-vsuyu-ukrainskuyu-sociologiyu/print> (дата доступа 18.02.2016).
21. Очередная реформа в Украине: До 2015 г. милиция будет реорганизована в полицию. 15 января 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/ocherednaya-reforma-v-ukraine-do-2015-g-militsiya-budet-reorganizovana-15012013110800> (дата доступа 25.10.2013).
22. **Deibert R.** /ed. Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace. Massachusetts Institute of Technology 2010. p. 259.
23. **Власенко В., Юрасов С.** Украинцев заставят любить Путина через интернет. 17 июля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://internetua.com/ukraincev-zastavyat-luabit-putina-cserez-internet> (дата доступа 18.02.2016).
24. Дайджест Уанета 2012. С. 20. [Электронный ресурс]. – URL: http://prodigiagency.com/digest/Prodigi_digest.pdf (дата доступа 18.02.2016).
25. **Lyubashenko I.** EU Strategy towards Ukraine. Time to engage in E-diplomacy // New Eastern Europe. 2012-07-20. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.neweasterneurope.eu/interviews/335-eu-strategy-towards-ukraine-time-to-engage-in-e-diplomacy> (дата доступа 18.02.2016).
26. МВД перешло на обсуждение проблем в онлайн-режиме 29 апреля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://itexpert.org.ua/rubrikator/item/12720-mvd-pereshlo-na-obsuzhdenie-problem-v-onlayn-rezhime.html> (дата доступа 18.02.2016).
27. ЕХ.UA - хронология событий. 2 февраля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mediananny.com/raznoe/17895> (дата доступа 18.02.2016).

28. Adobe и Graphisoft не просили закрывать EX.UA — представитель компаний. 2 февраля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://delo.ua/ukraine/adobe-i-graphisoft-ne-prosili-zakryvat-exua-predstavitel-ko-172937/> (дата доступа 25.10.2013).
29. **Выдрин:** Идет естественная глобализация информационного пространства // РИА новости. 3 декабря 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://ria.ru/feam_2012_opinion/20121203/913202023.html (дата доступа 18.02.2016).
30. **Наджос А.І.** Інформаційні стратегії впливу американської преси на соціально-політичний процес в Україні. Київ, 2002; Варивода Я. О. Інформаційні стратегії у зовнішній політиці США та Росії за кризових умов. Київ, 2004; Юричко А.В. Інформаційні маніпуляції у повідомленнях світової періодичної преси в контексті інформаційної безпеки України: стан та шляхи протидії. Київ, 2007.
31. **Олійник О.В., Соснін О.В., Шиманський Л.Є.** Політико-правові аспекти формування інформаційного суспільства суверенної і незалежної держави // Інститут стратегічних досліджень. - Наші публікації. 13.06.02. [Электронный ресурс]. – URL: http://old.niss.gov.ua/book/Sosnin_2.htm (дата доступа 18.02.2016).
32. Доктрина інформаційної безпеки України. м. Київ, 8 липня 2009 року. N 514/2009. [Электронный ресурс]: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/514/2009> (дата доступа 18.02.2016).
33. **Cerf V.** Keep the Internet Open // The New York Times. May 24, 2012.
34. Всемирная конференция по международной электросвязи (ВКМЭ-12).3-14 декабрь 2012 года, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты. [Электронный ресурс]: <http://www.itu.int/ru/wcit-12/Pages/default.aspx> (дата доступа 18.02.2016).
35. **McCullagh D.** The U.N. and the Internet: What to expect, what to fear (FAQ). The U.S., Canada, and European allies are squaring off against Russia and China at a U.N. Internet summit. At stake: the future of how the Internet will be run. December 6, 2012. [Электронный ресурс] – URL: http://news.cnet.com/8301-13578_3-57557459-38/the-u.n-and-the-internet-what-to-expect-what-to-fear-faq/ (дата доступа 18.02.2016).
36. Signatories of the Final Acts. World Conference on International Telecommunications. December 3-14. 2012 Dubai. UAE. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.itu.int/osg/wcit-12/highlights/signatories.html> (дата доступа 18.02.2016).
37. **McCullagh D.** U.N. summit implodes as U.S., others spurn Internet treaty. United Nations summit breaks down after U.S., Canada, and other democracies refuse to sign treaty that would hand a U.N. agency more authority over how the Internet is managed. December 13, 2012. [Электронный ресурс] - URL: http://news.cnet.com/8301-13578_3-57559034-38/u.n-summit-implodes-as-u.s-others-spurn-internet-treaty (дата доступа 18.02.2016).
38. Поскольку большинство операций пользователей сегодня определяется постоянно меняющим свою конфигурацию «облаком» компаний, промышленных групп и пользователей, термин «*управление интернетом*» не является общепринятым. Иногда он считается и неправильным, поскольку не существует какой-либо организации способной управлять всемирной сетью. См. напр.: Christian Caryl. The meeting that could kill the internet? Fears of internet oppression by the UN

are unfounded // The Sydney Morning Herald. December 10, 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.smh.com.au/technology/technology-news/the-meeting-that-could-kill-the-internet-20121207-2azj9.html> (дата доступа 18.02.2016).

39. Подготовка Украины к Всемирной конференции по международной электро-связи 2012 года. [Электронный ресурс] – URL: http://www.dstszi.gov.ua/dstszi/control/ru/publish/article?art_id=104767&cat_id=104766&mustWords=WCIT&searchPublishing=1 (дата доступа 25.10.2013).

40. Приходько О. Опасный интернет. На что Украина согласилась в Дубае. 18 декабря 2012. [Электронный ресурс] - URL: http://liga.net/opinion/89544_opasnyu-internet-na-chto-ukraina-soglasilas-v-dubae.htm (дата доступа 18.02.2016).

41. ООН посилює контроль інтернету. 17.12.2012. Міжнародний союз електро-зв'язку при ООН ухвалив документ, що зобов'язує провайдерів встановлювати системи аналізу інтернет-трафіку для блокування піратського контенту. 17.12. 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://racurs.ua/news/4085> (дата доступа 18.02.2016).

42. «Про Основні засади державної інформаційної політики». Текст законопроекту до другого читання 23.06.2011. [Электронный ресурс] – URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_2?pf3516=7251&skl=7 (дата доступа 25.10.2016).

43. Висновок на проект Закону України «Про Концепцію державної інформаційної політики» (реєстраційний № 7251). [Электронный ресурс] – URL: http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=38772 (дата доступа 25.10.2013).

44. Баровська А.В. Керівні документи державної політики: теоретико-методологічні засади визначення // Стратегічні пріоритети. 2012. №1 (22) С. 62.

45. Дорош С. Выборы и социальные сети: эффект "английского газона". BBC Украина 18 октября 2012. [Электронный ресурс] – URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2012/10/121018_ru_s_election_social_media.shtml?print=1 (дата доступа 18.02.2016).